

А. Д. Некипелов¹

О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Нынешние Лихачевские научные чтения посвящены злободневной проблеме. Мировое сообщество сталкивается сегодня с уникальной комбинацией глобальных вызовов. В частности, одна группа вызовов связана с имеющими планетарный характер естественными проблемами. Специалисты ведут дискуссии по поводу того, в какой мере такие процессы, как интенсивно происходящие изменения климатических условий или деградация окружающей среды, являются результатами человеческой деятельности. Однако каким бы ни был ответ на этот вопрос, он не изменяет того факта, что человечеству приходится искать ответ на острые проблемы, имеющие прежде всего природный, а не социальный характер. Вторая группа глобальных вызовов относится к нарушению сбалансированности интересов (интуитивно ощущаемому всеми) основных участников мирового процесса, прежде всего различных национальных государств и их объединений. Социальная природа этих вызовов очевидна: речь идет о болезненном процессе изменения самой конфигурации мирового сообщества. Именно второму кругу вопросов мне и хотелось бы посвятить свои размышления.

Общеизвестен факт: крах мирового социализма во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов кардинальным образом изменил условия функционирования мирового сообщества во всех сферах: политической, экономической, социальной, культурной. Казалось бы, мир в результате устранения раскола на капиталистический и социалистический лагери должен был стать гармоничным по сути, лишенным межгосударственных противоречий. Эта благостная перспектива связывалась с превращением рынка в универсальную форму организации хозяйственной жизни, а демократии — жизни политической. В условиях однотипности экономических и политических систем ясной представлялась и перспектива формирования однородной рыночной среды, распространяющейся на весь мир, равно как и постепенное усиление роли межгосударствен-

ных и надгосударственных политических механизмов. В сущности, такая перспектива с той или иной степенью категоричности была представлена в многочисленных исследованиях, предметом которых стал процесс глобализации.

На практике все развивалось иначе. Мы имели возможность убедиться в том, что процесс глобальной реструктуризации мирового сообщества оказался далеко не бесконфликтным. Создание однородной рыночной среды то здесь, то там наталкивается на несовпадающие интересы стран. Вместо прежнего противостояния двух социально-экономических систем усилилась дифференциация национальных интересов, стали формироваться новые коалиции государств. Значение геополитических соображений при принятии решений по фундаментальным вопросам мировой политики резко возросло. На мировой арене появились силы, о существовании которых прежде мало кто догадывался. Складывается впечатление, что ломка мирового порядка, инициированная уходом социализма в историческое небытие, просто разрушила прежде существовавшее равновесие, не создав нового. Возникает вопрос о причинах такого хода событий. Поиск ответа на него призван не просто удовлетворить наше любопытство, но и помочь как в прогнозировании возможных сценариев развития событий, так и в поиске оптимальных решений.

Вопрос о природе интересов, движущих участниками мирового процесса, очевидно, является решающим. Проблема, однако, состоит в том, что, активно оперируя понятием «интерес», исследователи далеко не всегда опираются на более или менее стройную модель, позволяющую объяснить механизмы его формирования. В результате дело сводится к общим призывам о необходимости учета интересов различных участников того или иного процесса, важности применения с этой целью эффективных механизмов их согласования.

Проблема интересов в экономической науке (по понятным причинам) является ключевой, и именно поэтому ее изучению уделялось и уделяется большое внимание. Это обстоятельство и подтолкнуло меня сформулировать возможные подходы к поставленным выше вопросам, касающимся нынешней ситуации в мировом сообществе.

Начать следует с того, что интересующая нас тема хорошо разработана в экономической теории примени-

¹ Директор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

тельно к уровню индивидуума. Модель формулируется следующим образом. Каждый человек обладает системой предпочтений, позволяющей ему ранжировать (то есть выстраивать по степени предпочтительности) все мыслимые состояния «окружающего мира». Стоящая перед индивидом задача заключается в том, чтобы выйти на такое состояние «окружающего мира», которое обеспечивает максимизацию уровня благосостояния при имеющихся у него ресурсах. Понятие индивидуального интереса, таким образом, оказывается тождественным понятию оптимального выбора, имеющему четкое количественное представление.

Но как быть с группами и их интересами? Этот вопрос для наших рассуждений является ключевым: ведь мировое сообщество представляет собой сложнейшую конфигурацию групп разного масштаба и значимости. Причем состав этих групп не является неизменным. Это значит, что необходимо разобраться и в том, какие силы приводят к возникновению групп, формированию их интересов, а подчас и к их исчезновению.

Соблазнительна попытка распространить на группу вышеупомянутый подход к индивидуальным интересам. Если предположить, что группа, подобно индивидууму, обладает собственной системой предпочтений и собственными ресурсами, то подход к решению проблем индивидуального и социального выбора окажется идентичным. Но здесь возникают три непростые проблемы.

Первая связана с необходимостью ответа на вопрос: должны ли мы просто постулировать существование у группы некой системы предпочтений (так называемый холистский подход) или выводить такую систему из индивидуальных предпочтений членов группы? Наш жизненный опыт подсказывает, что групповые решения не могут быть независимыми от предпочтений составляющих группу лиц. Однако знаменитая «теорема о возможности» К. Эрроу свидетельствует о том, что однозначное согласование этих двух видов предпочтений возможно только в одном случае — когда предпочтения одного из членов группы (он был назван «диктатором») в отношении возможных состояний «окружающего мира» распространяются на группу в целом. В свою очередь, подход с позиций холизма оказывается бесплодным в практическом отношении и, кроме того, создает большое пространство для произвольных трактовок сути групповых предпочтений.

Вторая проблема касается определения ресурсных возможностей группы. Дело в том, что применение в чистом виде того же подхода к интересам группы, что и к индивидуальным интересам, требовало бы исходить из того, что собственность членов группы является ее собственностью. Если же допустить возможность самостоятельного принятия каждым членом группы решения в отношении того, какие средства он готов передать в ее распоряжение, то мы неизбежно наталкиваемся на необходимость дать объяснение, каким образом члены группы договариваются о величине таких вкладов. Тем самым нарушается внутренняя непротиворечивость подхода: для объяснения механизма принятия решений группой приходится «перескочить» через проблему принятия решения о величине

не средств, выделяемых на функционирование группы ее членами.

Третья проблема состоит в том, что подход с позиций существования особых групповых предпочтений в любом его варианте ничего не дает с точки зрения объяснения механизмов возникновения и распада групп. Между тем из собственного опыта мы знаем, что каждая группа имеет дату «рождения», а некоторые — и дату «смерти».

Альтернативный подход к проблеме социального выбора состоит в том, чтобы рассматривать интерес группы как результат согласования индивидуальных интересов ее членов. Здесь на место представления о способности группы самостоятельно ранжировать различные состояния «окружающего мира» приходит взгляд на общественный выбор как своеобразную точку, в которой пересекаются индивидуальные интересы. Но согласование требует наличия алгоритма согласования, который сам может быть согласован только членами группы. С логической точки зрения налицо очевидная тавтология. Кроме того, сама «точка» согласования интересов не является единственной: при разных алгоритмах принятия решений результат будет различным.

Казалось бы, этих обстоятельств вполне достаточно, чтобы отказаться от такой интерпретации проблемы социального выбора. Но неожиданно оказывается, что тавтологичность логической конструкции может быть не только недостатком, но и достоинством. В подтверждение этого странного утверждения сошлемся на практический опыт. Учреждение многих организаций начинается с принятия уставных документов, определяющих порядок принятия решений. Обратим внимание и на то, что отсутствие «жесткой привязки» к точке согласования индивидуальных интересов позволяет дать логичное объяснение причинам наблюдаемых на практике корректировок алгоритмов принятия решения в рамках групп, а также самому их появлению на свет и распаду.

Хорошим примером инструмента социального выбора, обеспечивающего согласование интересов участников общественного разделения труда и товарного обмена, является рынок. Принятие решений рынком базируется на признании частной собственности товаропроизводителей и обязательности выполнения ими взятых на себя обязательств. Обмен, основанный на этих принципах, в данном случае представляет собой тот самый алгоритм принятия решений, о котором речь шла выше.

Но рынок выявляет только часть предпочтений индивидов, а именно ту, которая характеризует их, пользуясь известным выражением А. Смита, как «экономических людей», ориентирующихся в своих действиях исключительно на собственное благосостояние в узко эгоистическом смысле слова. При таком подходе завершенность согласования интересов находит в рыночной экономике свое проявление в достижении общего равновесия. Это состояние, как известно, характеризуется так называемой Парето-эффективностью: из него нельзя перейти к другому состоянию, не ухудшив положения хотя бы одного из членов социума. Не случайно

общее равновесие в условиях совершенной конкуренции является для «экономических людей» чем-то вроде земного воплощения рая.

Здесь важно отметить, что если бы природа людей сводилась к природе «экономического человека», то у национального государства не было бы места в современном мире. В этом случае не существовало бы никаких препятствий для учреждения единой мировой валюты, формирования единой планетарной власти, обеспечивающей на единообразных основах защиту частной собственности, соблюдение условий заключенных сделок и выполнение прочих функций, являющихся сегодня функциями национальных государств. Для людей не имело бы никакого значения, на какой территории проживать и с кем преимущественно общаться. Им было бы также абсолютно все равно, в какой части мира производственная деятельность процветает, а в какой приходит в упадок. Тем самым в полной мере подтвердилась бы мысль К. Маркса о том, что в буржуазном обществе частные интересы «разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей»¹.

Дело обстоит принципиально иным образом именно потому, что «экономическая ДНК» человека не обрывается там, где заканчивается сфера интересов «экономического человека» А. Смита. В систему предпочтений каждого индивида входит и отношение к таким характеристикам «окружающего мира», которые не связаны с уровнем его благосостояния как «экономического человека». Каждого из нас в той или иной степени интересует не только собственное благосостояние в узком смысле слова, но и благосостояние окружающих нас людей, гармоничность отношений в обществе. Но эта часть индивидуальных предпочтений не выявляется рынком, поскольку соответствующие блага невозможно сделать объектом товарного обмена.

К такого рода «нерыночным благам» относятся и система ценностей, формирующаяся в результате длительного общения людей друг с другом, которое на определенном этапе приводит к формированию национальных государств. Общие ценности сближают людей, проживающих в одном государстве, и нередко отличают их от людей в других государствах. Не случайно, например, мы наблюдаем разное, «усредненное» по членам социума, отношение к дифференциации доходов: достаточно сослаться на различия в подходе к этому вопросу в США, с одной стороны, и Скандинавских странах — с другой.

Само наличие не вовлекаемых в рыночный оборот индивидуальных предпочтений означает, что согласованное представление граждан любой страны об *экономическом* оптимуме в общем случае не совпадает с *рыночным* оптимумом, причем масштаб расхождения зависит от того, какое место в системе предпочтений членов социума занимают нерыночные, ценностные

компоненты. Этот разрыв так или иначе «закрывается» деятельностью государства (ведь эта деятельность не сводится только к тому, чтобы обеспечить защиту прав собственности и соблюдение условий заключенных сделок), а также различных институтов гражданского общества. Именно поэтому меры экономической политики, используемые для коррекции действия рыночного механизма, неверно трактовать как «вмешательство» государства в (объективные) рыночные процессы по политическим (вроде как субъективным) взглядам.

Планетарное сообщество является своего рода «мегагруппой», члены которой — не только (и не столько) отдельные жители планеты Земля, но и разные созданные ими группы, в числе которых особое место занимают национальные государства. Все эти многочисленные группы движимы собственными устремлениями, поэтому в сфере международных отношений возникает необходимость их согласования. Различия проявляются в сфере международных экономических связей, например относительно масштабов и скорости процессов либерализации движения товаров, услуг и капитала. Точно так же они неизбежны и в политической сфере, где конкурируют различные модели демократии, позиции по правам человека, этнических групп, наций.

Ценностные, культурные составляющие систем индивидуальных предпочтений не остаются неизменными; они трансформируются и под влиянием взаимодействия с ценностями других народов. Но этот процесс крайне медленный, и попытки его форсирования, как свидетельствует история, ни к чему хорошему не приводят.

Сегодня мегагруппа под названием мировое сообщество находится в процессе коренной трансформации. Формируются новые коалиции, изменяется соотношение сил. Мы являемся свидетелями того, что не только ушло в прошлое прежнее равновесие на мировой арене, но и налицо кризис многих институтов, обеспечивавших решение глобальных проблем. Для достижения нового равновесия необходимо утверждение на практике общепризнанного механизма согласования интересов. Но сделать это непросто. Ситуация носит игровой характер, причем степень неопределенности для участников «игры» резко возрастает. В условиях, когда многие из прежних правил поведения поставлены под сомнение, а новые еще не сформировались, возникает соблазн использования методов жесткого давления, информационной борьбы без правил с целью внести раскол в ряды оппонентов.

В таких условиях велика опасность выхода ситуации из-под контроля. Совет может быть только один: участники «игры» должны уделять особое внимание оценке рисков, связанных с их действиями, и прилагать максимум усилий для согласования, а затем и неукоснительного следования согласованным принципам поведения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 102.